

МАКС АЛЛАН КОЛЛИНЗ

МАКС АЛЛАН КОЛЛИНЗ

**АГАТА
И
ТЬМА**

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К60

Max Allan Collins
THE LONDON BLITZ MURDERS

Copyright © 2004 Max Allan Collins. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Коллинз, Макс Аллан.

К60 Агата и тьма / Макс Аллан Коллинз ; [пер. с англ.
Т. Л. Черезовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-04-100050-9

Неожиданный великолепный подарок для поклонников Агаты Кристи. Детектив с личным участием великой писательницы. Автор не только полностью погружает читателя в мир эпохи, но и создает тонкий правдивый портрет королевы детектива.

Днем она больничная аптекарша миссис Маллоуэн, а после работы – знаменитая Агата Кристи. Вот-вот состоится громкая премьера спектакля по ее «Десяти негритятам» – в Лондоне 1942 года, под беспощадными бомбежками. И именно в эти дни совершает свои преступления жестокий убийца женщин, которого сравнивают с самим Джеком-Потрошителем. Друг Агаты, отец современной криминалистики Бернард Спилсбери, понимает, что без создательницы Эрjouля Пуаро и мисс Марпл в этом деле не обойтись...

Макс Аллан Коллинз – американская суперзвезда криминального жанра. Создатель «Проклятого пути», по которому был снят культовый фильм с Томом Хэнксом, Полом Ньюманом, Джудом Лоу и Дэниелом Крэйгом. Новеллизатор успешнейших сериалов «С.С.И.: Место преступления», «Кости», «Темный ангел» и «Мыслить как преступник».

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100050-9

© Черезова Т.Л., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Памяти ДжаНис Малл,
обожавшей Агату Кристи*

Хотя это произведение и является плодом вымысла, описанные в нем события основаны на исторических фактах.

Автор не имел намерения проявить неуважение к людям, вдохновившим его на создание литературных образов, и легкомысленно обойтись с перенесенными ими ужасами: бомбежками и... преступлениями Ночного Потрошителя.

«Никто ни на минуту не верит, в какой бы опасности ни находился, что убьют именно его. Бомба непременно должна упасть на кого-то другого».

Агата Кристи

Накануне...

До войны Лондон был крупнейшим и, по мнению многих, лучшим городом мира. Население его составляли восемь миллионов жителей, и число это постоянно росло. Население Великобритании в целом, между войной первой и войной приближающейся, увеличилось примерно на пять миллионов душ... и треть из них жили или работали в Лондоне.

Грузооборот лондонского порта был большим, нежели у любого другого, обеспечивая четверть британского импорта, и больше половины всех мировых сделок совершалось в давящем на психику и забитом людьми финансовом районе между доками Ист-Энда и преуспевающим Вест-Эндом. Воздушный транспорт также приобретал все больший вес — Лондон находился в центре воздушных путей сообщения, — делая международные путешествия быстрыми и удобными.

Как и сейчас, тогда в Лондоне располагались правительственные органы и здания, символизирующие королевскую власть: Букингемский дворец, Вестминстерское аббатство, собор Святого Павла и лондонский Тауэр, чуть ниже по течению Темзы, где голов больше не рубили, а королевские регалии находились под наблюдением стражи и... туристов.

Образование обеспечивали выдающиеся классические (Аллинз, Баттерси) и частные школы (Сент-Полз,

Вестминстер), а Лондонский университет соперничал с Кембриджем и Оксфордом. В столице находились Британский музей и Национальная галерея — причем они лишь открывали собой впечатляющий список, и театры, при сравнении с которыми нью-йоркский Бродвей казался тем дешевеньким варьете, каким, в сущности, и был.

Конечно, стоимость жизни в Лондоне была выше, чем в прочих районах королевства, но и уровень жизни был высоким, так что даже в период Великой депрессии, при спаде экономики и в перспективе неизбежной войны безработица была низкой. Однако в Ист-Энде все же сохранялась нищета, и некоторые считали большевистскую революцию неизбежной.

Гораздо более серьезной проблемой казался сам Лондон: его уязвимость, скопление жителей на относительно небольшой территории, его привлекательность для противника, желающего нанести сокрушительный удар по цели, словно специально созданной для воздушной атаки.

И, как мы знаем, бомбы действительно падали... и город старался выстоять.

Перед вами эпизод той великой трагедии, история о стойкой женщине в стойком городе, которая, как и сама столица, выживала с достоинством...

...об убийце, который достоинства был лишен.

9 февраля 1942 года

Обязательное полное затемнение, введенное в сентябре 1939 года, стало частью реальности, с которой лондонцы давно сжились: уличные фонари погашены, автомобили превратились в одноглазых чудищ (да и оставшаяся фара прикрыта козырьком), а все окна закрыты либо щитами, либо черными шторами. Старательные воздушные патрули, особенно в первое время, весьма педантично устраняли всякое освещение. Сейчас же уже никто об этом не задумывался. Соблюдение правил вошло в привычку.

Затемнение стало такой же неотъемлемой частью войны, как и мешки с песком, громоздящиеся вдоль тротуаров, напоминающие зверей аэростаты заграждения (как и патрульные, весьма внушительные), зависшие над городом, мрачно-жизнерадостные аэрографические надписи, призывающие лондонцев «держаться» и «вносить свой вклад». Даже гвардейцы у Букингемского дворца сменили свои ярко-красные мундиры на тусклую полевую форму, а уличные постовые вместо шлемов надели жестяные каски.

На третий год войны стало уже забываться время, когда ребятишки играли на тротуарах (большую часть детей эвакуировали в самом начале), а автомобилей на улицах было как песка на берегу, — время, когда бульварные газеты были многостраничными, а продавцы заворачивали покупки в драгоценную бумагу.

Город... или, по крайней мере, его жители в последнее время выглядели убого: одежда темных цветов, частенько поношенная независимо от социального статуса владельца; новая одежда стала редкостью, и, надевая новый костюм, человек чувствовал себя неловко. Убогость распространилась и на здания: попадались разбитые окна, и мало какие строения могли похвастать свежей краской.

Не то чтобы город позволил себе превратиться в грязные пыльные развалины: ремонт шел постоянно. В то типично хмурое, унылое и холодное утро понедельника улицы и тротуары были припорошены снегом, рабочие латали выбоины в асфальте. Их проделали не немцы: ведь последний серьезный налет был в мае, десятого...

...ту ночь вряд ли забудет кто-то из жителей Лондона. На Темзе был отлив, луна была полная — люфтваффе устроили самый мощный налет за все время войны: пострадало Вестминстерское аббатство, бомбы попали в Королевский Монетный двор, в Тауэр, во Дворец правосудия, в Британский музей... Даже циферблат Биг-Бена получил выбоины (хотя и показывал правильное время по-прежнему)... Пылали пожары — и более трех тысяч лондонцев погибли...

Пострадавший город содрогался, со страхом ожидая новых налетов, — однако их не было в течение многих месяцев, и даже потом они были пустячными в сравнении с десятым мая. Дни превращались в недели, недели — в месяцы, и ощущение того, что бомбежки, возможно (не сглазить бы!), закончились, породило надежду с привкусом отчаяния.

Не то чтобы город расслабился. Недолгие, но разрушительные немецкие налеты время от времени происходили, и знакомый предупреждающий вой раздирал лондонский воздух, особенно после рейдов союзников и особенно после того, как целью им служил Берлин.

И потому — мешки с песком, карточки, пропагандистские лозунги и, конечно, затемнение оставались в силе.

Однако в этот период поредевших налетов бомбоубежищами стали пользоваться меньше, и даже когда на Лондон сътались бомбы, многие предпочитали рисковать, оставаясь дома и не пользуясь частным (обычно устроенным в саду) убежищем Андерсона — парой листов гофрированной стали, закрепленных над полутора метровым углублением в земле, с дверью из листового металла и земляной насыпью. Из-за отсутствия водостока эти убежища были настоящим кошмаром, и, приняв во внимание дожди и определенные человеческие потребности, вполне понятно желание людей с относительным достоинством оставаться дома, даже подвергаясь опасности попадания снаряда.

Еще существовали общественные бомбоубежища со стенами из кирпича и известки, притулившиеся прямо на дорогах, с двадцатипятисантиметровой бетонной плитой вместо крыши. Народ быстро прозвал эти бомбоубежища сэндвичными, потому что при взрыве стены часто выдавливали наружу, превращая укрывшихся в них в мясную начинку между бетоном и асфальтом.

Туннели метрополитена тоже были оборудованы под убежища, однако комары и сильные ветра (иногда — холодные, иногда — жаркие) со временем отдали этот вариант на откуп бездомным. Внизу образовались небольшие сообщества, и хотя этим шайкам оборванцев могли предложить переселиться, они предпочитали свой новый подземный мир.

Рабочий по имени Питер Рашинг, тридцати восьми лет, долговязый и угловатый, увидел, что для заполнения рытвин ему не хватает песка. Он знал, где его легко можно позаимствовать...